

УДК 94(575.2)

РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В.П. Яншин

Проводится всесторонний анализ основных направлений развития кыргызско-русских отношений во второй четверти XIX века.

Ключевые слова: манапы; бии; посольства; подданство; политика лавирования.

KYRGYZ-RUSSIAN RELATIONS DEVELOPMENT IN THE SECOND QUARTER OF THE 19th CENTURY

V.P. Yanshin

The article presents a comprehensive analysis of the main directions of development of the Kyrgyz-Russian relations in the second quarter of the 19th century.

Key words: manaps; biys; embassies; citizenship; maneuvering policy.

Достаточно плодотворные контакты с северными кыргызами в начале XIX в., особенно с бугу, были прерваны в начале 30-х гг., после того как Северный Кыргызстан вошел в состав Кокандского ханства. Однако уже в 1842 г. после казни бухарцами Мадали-хана северные кыргызы вернули себе независимость, а следовательно, и возможность сводить счеты с более слабыми племенами. Доминирующую позицию на севере занял сарыбагышский манап Ормон, которого примерно в это время провозгласили ханом. Первой целью усилившегося родопрародителя стали бугу, главный манап которых – Боромбай Бекмуратов в 1844 г. после многих безуспешных обращений за защитой к китайцам и кокандцам, избегавшими на тот момент вмешиваться в межплеменные распри кыргызов, обращается к русским властям с просьбой о российском подданстве [1, с. 107]. Не забывает Боромбай и о традиционной просьбе – отправить посольство в Петербург [2, д. 43]. В ответ на это министр иностранных дел К.В. Нессельроде ответил генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, что так как кыргызы находятся далеко от российской границы, то если их принять в подданство, это приведет к уменьшению авторитета России, так как российские власти не смогут оказать им реальной поддержки, поэтому следует им отказать, но исходя из политических и торговых интересов сделать это мягко и послав им подарки, что и было сделано [2, л. 44].

В 1846–1847 гг. происходят серьезные столкновения северных кыргызов с казахами Среднего жуза во главе с Кенесары Касымовым, закончившиеся победой кыргызов, которых возглавляли Ормон-хан и Джантай Карабеков (манапы сарыбагышей). Стоит отметить, что посредником между сарыбагышами и Горчаковым был татарский мулла Галим Ягудин (так его называют кыргызы), или Якубов (так его называют русские), который всячески подталкивал сарыбагышей к борьбе с Кенесары, обещая за это от российских властей большие подарки [3, с. 131]. После уничтожения Кенесары Ормон по вызову начальника пограничного управления сибирских казахов генерал-майора Н. Вишневого отправил к нему своего сына Уметалы за обещанными подарками, которыми оказались «золотая медаль, халат, обложенный золотым галуном и похвальная грамота» для Ормона, а для Уметалы и четырех ближайших манапов – по золотой медали [4, л. 46]. Правда, этого Ормону показалось мало, и он просит еще прислать золотые саблю и печать [4, л. 46].

Весной 1848 г. Боромбай отправляет письмо Горчакову с просьбой учредить на Иссык-Куле округ, т. е. принять российское подданство, однако как и в 1844 г. это откладывается до «лучших» времен [3, с. 129], так как в это время наибольший интерес для российских властей представляют сарыбагыши, показавшие свою силу в сражении

с Кенесары и не подчиняющиеся Коканду. Для поддержания же «усердия» Боромбая ему высылают подарки [3, с. 129].

10 сентября 1848 г. Горчаковым было получено письмо от Джантая, в котором он говорит, что не смог, как и Ормон, выехать в Омск из-за столкновений с казаками и кипчаками; далее он напоминает о своих заслугах в уничтожении Кенесары и считает, что ему не досталось достойной награды за это, намекая, что надо бы еще добавить, и еще просит дать его сыну Нюсабеку саблю и именную печать [3, с. 130–133]. Как видим, вопрос о подарках и наградах продолжает оставаться в центре внимания манапов, которые постоянно опасаются, что другие получат больше.

Рубеж 40–50-х гг. XIX в. ознаменовался активизацией действий России, Китая и Коканда в отношении кыргызов, при этом подстегивая друг друга в этом «соревновании». Так, в 1849 г. китайцы некоторым манапам-бугу отправили ценные подарки, а Боромбая определили жалование 10 ямб (слитков серебра. – *В.Я.*) в год и пожаловали шарик высшего достоинства [3, с. 142]. Летом 1850 г. Боромбай пишет письмо Горчакову, в котором просит принять депутатов в Омске, для того чтобы «променяться двумя парами слов в личной с Вами беседе», при этом ничего не говорит о своих связях с китайцами [3, с. 136]. В сентябре 1850 г. наконец-то вспоминает о своем российском «подданстве» и клан Ширалиных, которые опасаются, что их обойдет Боромбай в деле организации посольств и связанных с этим распределением подарков, и направляют письмо капитану Гутковскому с просьбой об установлении военного поселения в их кочевьях, при этом так же как и Боромбай не упоминают о китайцах, которым они выплатили подати [3, с. 141].

30 июля 1850 г. Джантай в письме уверяет пристава при казаха Старшего жуза М.Д. Перемышльского в своей преданности и что «Вы не встретите от нас сопротивления, даже и мысли об этом» [3, с. 135]. Такое дружное изъявление преданности от бугу и сарыбагышей было вызвано экспедицией Гутковского к крепости Тойчубек, что произвело большое впечатление на кыргызских родоправителей, которые в своих письмах всячески осуждают «изменника Тоучубека». В январе 1851 г. Боромбай и Джантай обратились к Горчакову с просьбой прислать депутатов. И хотя разрешение было дано, но никто не явился [3, с. 145], так как весной этого года в Пишпек прибыл крупный кокандский отряд и почти все родоправители солто и сарыбагышей ему подчинились, послав к кокандцам своих сыновей и почетных людей [3, с. 144]. Однако, как только стало известно о походе крупного отряда Карбышева к крепости Тойчубек, сразу же пришли письма от

Боромбая, Джантая и Хаджи-бека с изъявлением преданности и желанием присоединиться к русскому отряду, но из-за сомнений в их надежности (что и неудивительно. – *В.Я.*) было указано, чтобы они действовали рядом, но в отдалении и к отряду не присоединялись [3, с. 146] (они и не присоединились, оставшись в своих кочевьях). После взятия крепости Тойчубек, опять как и в 1850 г., последовали заверения манапов в своей преданности России, выделяя при этом себя. Так, Джантай писал: «Вы не считайте меня наравне с прочими Черными кыргызами, ибо я имею твердое мужество!» [1, с. 135].

Приобретя за два года (1850–1851 гг.) наглядный опыт «неоднозначности» позиции кыргызских родоправителей российской власти сделали соответствующие выводы. Так, в феврале 1852 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд в письме к военному министру А.Н. Чернышову писал: «Политика наша в отношении сих киргизов (солто, сарыбагыши, бугу. – *В.Я.*) должна быть, по мнению моему, навсегда ограничиться нарицательным покровительством, не простирая далее наших видов, дабы не сделать их непримиримыми врагами из друзей, хотя в сущности мало полезных, по положению своим в крепких и мало преступных местах и независимостью от других соседственных сильнейших держав, наши границы ограждающих» [3, с. 151]. То есть Гасфорд предлагал образовать буферное пространство на территории кыргызов, не принимая их непосредственно в подданство.

23 марта 1852 г. Ормон и Уметалы, узнав, что часть дулатов и абданов Старшего жуза бежала в 1851 г. к кокандцам и их кочевья освободились, просят эти земли отдать им, при этом применяя «легкий» шантаж: «но в настоящее время сердце наше разделяется надвое: мы не знаем, кто наши враги, абданы ли с дулатами (оставшиеся верные России казахи. – *В.Я.*), или кипчаки (т. е. кокандцы. – *В.Я.*), а потому опять с унижением покорнейше просим удалить обитающих на нашей стороне Или абданов с дулатами» [3, с. 151–152]. Продолжая считать сарыбагышей Ормона главными сторонниками России среди кыргызов, было принято решение отдать ему пустующие земли [5, с. 388–390]. Справедливости ради надо отметить, что Ормон действительно занимал наиболее твердую позицию по отношению к России, поэтому неудивительно, что ему и его сыну Уметалы было первым разрешено вступить в российское подданство среди кыргызов, о чем было принято решение в Петербурге в начале 1853 года [1, с. 151]. В ноябре 1853 г. Ормон прислал к Перемышльскому Уметалы. Объясняя, что из-за кокандцев они не смогли вступить в подданство России, при этом Уметалы был готов принести присягу, но при рус-

ском отряде не оказалось муллы, поэтому она была отложена до весны 1854 г. [3, с. 161]. Таким образом, только случайность помешала сарыбагышам стать первыми российскими подданными среди кыргызских племен.

В сентябре 1853 г. обеспокоенные бугинские манапы опять просят принять их в российское подданство [3, с. 158]. На что 31 декабря 1853 г. Гасфорд дает холодный ответ: «Не усматриваю никакой возможности воспользоваться их просьбой» [3, с. 162]. Помимо ориентации на сарыбагышей такая позиция объяснялась тем, что начиная с 1849 г. бугу постоянно лавировали между Россией, Китаем и Кокандом, попеременно признавая себя подданными этих государств.

Важным рубежом в российско-кыргызских отношениях стали события в Кокандском ханстве, где в октябре 1853 г. был свергнут кипчакский предводитель Мусулманкул, а власть перешла к Худоярхану, который до этого был фактически марионеткой в руках могущественного временщика. Новое правительство стало активно готовиться к войне с Россией, развернув широкую агитацию среди казахов и кыргызов, призывая их к «газавату». Религиозная агитация и посылка крупных контингентов войск на север весной 1854 г. в корне изменили ситуацию. Как отмечал в мае 1854 г. Перемышльский: «надежды на Ормона, Уметалы и Джангарача не основательны из-за происков кокандцев» [3, с. 168]. Действительно, летом и осенью 1854 г. кокандцы произвели ряд нападений на Заилийский край, причем к ним присоединились многие кыргызы, в том числе и Джантай [1, с. 178–179]. В связи с этим была диаметрально пересмотрена политика в отношении бугу. В октябре 1854 г. Гасфорд выдвинул условия для бугу, если они хотят принять российское подданство: вести дела только с Россией, не грабить казахов (российских подданных), охранять караванные пути [3, с. 174–275]. Бугинские манапы согласились на эти условия, и в январе 1855 г. их депутаты принесли присягу России, став ее подданными. С событием принятия бугу российского подданства связана смерть Ормона, погибшего в бою с бугинцами. Проблему представляет дата этого события – так, в одних источниках говорится о лете 1854 г. [3, с. 449; 6, с. 41], а в других – о лете 1855 г. [6, с. 186; 7, с. 150; 8, с. 561]. Ответ на этот вопрос представляется довольно важным, так как если Ормон погиб летом 1854 г., тогда это будет одной из основных причин массового перехода кыргызов осенью 1854 г. на сторону кокандцев, потому что потеря такого лидера пророссийской «партии»,

безусловно, склонило бы кыргызов признать себя подданными Коканда и это объяснило бы жгучее желание бугинских манапов той же осенью принять российское подданство. Если же Ормон погиб летом 1855 г., тогда бы это означало, что он твердо и решительно перешел на сторону кокандцев, вступая в жесткий конфликт с российскими подданными – бугу. Однако такая трактовка событий не совпадает с политическим курсом Ормона за большой предшествующий период (1842–1853 гг.).

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Кыргызские родоправители, обращаясь с просьбами о российском подданстве, в первую очередь стремились к получению различных подарков и чинов.

2. Продолжалась четкая линия манапов и биев в политике лавирования между Россией, Кокандом и Китаем с целью сохранения всей полноты власти в своих родах.

3. Если в начале XIX в. политика России по отношению к северным кыргызам в основном заключалась в обеспечении беспрепятственного прохода купеческих караванов в Восточный Туркестан через их территорию, то с 40-х гг. добавилось стремление создать своеобразную буферную зону между Россией, Китаем и Кокандом.

Литература

1. Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии 19 века (первая половина) / Б. Джамгерчинов. Фрунзе: Илим, 1966.
2. Отношение министра иностранных дел К.В. Несельроде генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, ноябрь 1844 г. // ЦГА Рuz. Ф.И. 105. Оп. 1. Д. 5.
3. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сборник документов и материалов. Бишкек: Илим, 1998.
4. Письмо Ормона Ниязбекова начальнику пограничного управления сибирских казахов генерал-майору Н. Вишневному. 24.10. 1847 г. // ЦГА РК. Ф.И. 374. Оп. 1. Д. 2920.
5. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964.
6. Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века / Б. Джамгерчинов. Фрунзе: Киргизстан, 1966.
7. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России / Б. Джамгерчинов. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1959.
8. История Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1984. Т. 1.